

Чан Пэньюань и Ци Вэнь как раз заглянули. Увидели Дай Мэньюань, прислонившуюся к двери кабинета Цинь Фэна со скрещёнными на груди руками.

— Где брат Цинь? — спросил Ци Вэнь.

Дай Мэньюань указала за спину:

— Клиентка нанимает телохранителя. Излагает Альфе ситуацию. — Она помедлила и странным тоном добавила: — Уже дошла до... Чёрного и Белого Учанов?

Чан Пэньюань:

— Ну блин... Альфа что, рассказывает незнакомым людям собственные легенды?

Ци Вэнь хлопнул себя по лбу:

— Птенчик, ну правда — когда Альфа раньше чернел лицом и устраивал разнос, прям вылитый Чёрный Учан! Новый позывной принят!

Как бы хорошо ни была поставлена в стране популяризация научного мировоззрения, всегда найдутся те, кто твёрдо верит в потустороннее. Ли Цзяхуэй была из таких: чем больше она говорила, тем яснее проступали её истинные убеждения. Она была уверена, что её соседка столкнулась с чем-то нечеловеческим.

Её доводы, впрочем, были довольно просты:

— ...Я своими глазами видела! У нас в деревне жил однорукий ветеран. Все дети любили к нему ходить — он делал сладкие рисовые лепёшки и рассказывал о боях. Однажды он сказал: придёт важный гость, всем по домам, не шуметь. Мне тогда было тринадцать, я была хулиганкой и спряталась за поленницей. И увидела: из ниоткуда поднялся белый туман, и из тумана вышла высокая, стройная тень — вся белая, и даже в разгар лета на краях одежды был иней. Дедушка учтиво пригласил его в дом. Они сыграли партию в шахматы, выпили чаю. А потом белая фигура сказала: «Пора! Сейчас самое красивое время — по дороге увидишь, как цветут акации у Реки Забвения». Дедушка с улыбкой пошёл за ним. Я видела, как они вместе скрылись в тумане. А когда туман рассеялся и я вылезла из-за поленницы... дедушка уснул, положив голову на шахматную доску. И больше не проснулся...

Стройная белая тень... Цинь Фэн спросил:

— Он был в шляпе?

Се Цилянй говорил, что многие верят: увидеть Белого Учана — к удаче. Поэтому, встречая праведные души, он особо не маскируется.

А я до сих пор не видел, — мысленно вздохнул Цинь Фэн.

Ли Цзяхуэй покраснела:

— Не заметила... Запомнила только, что даже издалека, в профиль — просто невероятно красивый. А когда он заговорил — у меня уши забеременели!

Лицо Цинь Фэна чуть потемнело. Он кашлянул:

— ...Юная леди, вы описываете персонажа из народной легенды. Призраков не существует. Легенды — это всего лишь легенды.

Некий посланник Подземного мира, не дрогнув ни единым мускулом, с безупречной дикцией и не моргнув глазом, произнёс:

— Призраки — это порождение человеческого воображения!

Фан Сяонянь, наполовину просунувший голову сквозь стену, замер, включил обратную перемотку на десятикратной скорости и решил побыть порождением воображения.

Ли Цзяхуэй:

— Ну да, в теории — конечно... Но Белый Учан такой красивый! Я так хочу, чтобы призраки существовали!

Цинь Фэн: «...»

Это было неопровержимо.

— Значит... вы тоже мне не верите? У моей соседки точно что-то не так, правда! — сказала Ли Цзяхуэй.

Цинь Фэн не стал отвечать прямо, а спросил:

— С такой проблемой — почему ты пошла в полицию, а не в даосский храм или к психологу?

Ли Цзяхуэй замялась и честно призналась:

— Утром я была в храме Мяолянъ. Там есть даос по имени Чу Хо. Он сказал: «Если что-то случилось — обязательно обращайтесь в полицию».

Цинь Фэн:

— ...Благодарим представителей даосского сообщества за вклад в правовое просвещение.

Ли Цзяхуэй:

— Так что насчёт моей соседки...

— Поедем в ваш университет, — Цинь Фэн встал. — Сестра Дай присмотрит за вашей подругой. Та «золотая статуэтка бодхисаттвы» — очень подозрительная вещь. Подозреваю связь с недавним делом о секте и хищении золота.

Хэ-старший показал: тёмные даосы отлили из украденного золота ритуальную фигуру для его сына. Но при обыске всей башни «Цзиньсю» ничего крупнее золотого кольца не нашли. Похищенное золото словно испарилось.

Оказывается, оно сменило облик — и переехало в общежитие студентки.

Сячэнский университет — старинный вуз с вековой историей, многие корпуса — такие же старинные. В подобных местах всегда расцветают страшилки: общежитие построено на месте захоронения, по ночам с крыши спускается девушка-призрак в красном платье — бывшая студентка...

На самом деле красное платье не равно свирепому призраку. А если копнуть глубже — на этой земле мёртвых всегда было куда больше, чем живых.

Когда Цинь Фэн и Ли Цзяхуэй подходили к общежитию, мимо проплыла та самая знаменитая героиня студенческого фольклора. Через три секунды она на сверхсветовой скорости вернулась:

— Боевая аура! Неужели оперативник в штатском?!?

Цинь Фэн исподлобья окинул её взглядом. Призрачная невеста эпохи Республики: красное свадебное платье, набелённое лицо, алые губы. Стоило какому-нибудь студенту со слабой янской энергией наткнуться на неё ночью — и готова новая университетская легенда.

— Товарищ! В этом здании чудовище! — Призрачная невеста была крайне возбуждена. — Я требую подать заявление! Оно вторглось в моё жилище!

Цинь Фэн: «...»

Если бы рядом не было живого человека, он бы точно расхохотался. Потому что эта дама, очевидно, разговаривала сама с собой — она и не подозревала, что Цинь Фэн действительно её видит.

Учан в телесной оболочке, под защитой Небесного Дао, невидим для посланников, злобных духов и тем более для бродячих призраков.

Призрачная невеста с безупречным старопекинским акцентом принялась докладывать о «незаконном вторженце» в общежитии. Выглядело это весьма в духе бдительных соседей из старых пекинских хутонов.

Ли Цзяхуэй шла впереди, а невеста плыла за Цинь Фэном:

— Эх! Такой симпатичный молодой товарищ, жаль, не слышит бедную меня. Правда ведь, товарищ, на третьем этаже странное существо! Похоже на змею, но не змея — слишком длинная, и ползёт сразу много штук. Вроде бы призрак — но точно нет. Я уж не знаю, что это. Расследований вести не умею, чему научилась — всё из сериала про Шерлока Холмса, который с «соседками» по ночам смотрели, но в реальности это не работает.

(«Соседки» — это все студентки общежития, которых она самовольно записала себе в подруги. Вряд ли хоть одна согласилась.)

— Но у него есть золотое тело — оно принимает подношения живых! А по ночам выползает, и ещё несколько дней... бедная я не выдержу, — вздохнула призрачная дама.

Цинь Фэн сфокусировал взгляд. На ней проступили иероглифы:

«Ваньцин, рождена в 34-й год правления Гуансюй (1908), умерла в 15-й год Республики (1926), причина смерти: самоотравление, -3».

Мелкий отрицательный индекс — обычная неприкаянная душа, не требующая вмешательства. Серьёзных грехов, похоже, не совершала; минус, вероятно, за самоубийство.

За время, пока Цинь Фэн моргнул, «-3» вдруг прыгнуло на «-2». Через несколько секунд — на «-1».

Индекс не неизменен, но Цинь Фэн впервые видел, как цифры менялись прямо на глазах.

— Последние дни бедная я совсем измучилась! Этот вторженец всё время пытается сожрать моих «соседок», а я же не могу такое допустить! Недосыпаю, тёмные круги посветлели, лицо

побледнело, помада поблёлка! Чуть не свалилась в обморок на крыше! А ещё...

Главная звезда всех университетских страшилок — и самый страшный её навык — это болтливость? Цинь Фэн мысленно усмехнулся.

Под её непрерывное ворчание они добрались до комнаты. Лэ Юци не оказалось.

Ли Цзяхуэй обыскала её стол:

— Статуэтка стояла здесь! Куда делась?

Другая соседка ответила:

— Циции унесла с собой. Я спросила куда — она не сказала. Цзяхуэй, ты что, правда нашла мастера?

Ли Цзяхуэй вспыхнула:

— Как вы её отпустили?!

Соседка развела руками:

— А что мы — привяжем её?

Цинь Фэн вошёл. Перед уходом Ли Цзяхуэй сказала, что приведёт «помощь»; она всегда была немного суеверной, поэтому подруги решили — ведёт мастера-экзорциста. Теперь они таращились:

— Ничего себе, сейчас мастера берут внешностью?

Призрачная Ваньцинь:

— И прессом! Ставлю серебряный доллар — минимум шесть кубиков!

Цинь Фэн: «...»

Не успела Ли Цзяхуэй объяснить, как соседка спрыгнула с кровати:

— Мастер, у нас в общежитии реально привидение! Куча студентов, когда ходят на крышу за

одеялами по вечерам, видят красную женскую фигуру. Говорят — бывшая студентка, не выдержала давления перед аспирантурой и выбросилась в красном платье!

Ваньцинъ:

— Я вам не студентка!!! И я не сдаю экзамены в аспирантуру, лучше в пыль рассыпаться! Стоп — прежде чем рассыпаться, дайте мне расстегнуть рубашку этому красавчику и посчитать кубики!

Цинь Фэн, дойдя до предела терпения, достал телефон и вызвал посланников.

Фан Сяонянь и Цзян Шэнь примчались мгновенно: прошли сквозь стену и ухватили ошалевшую Ваньцинъ под руки.

Цинь Фэн:

— Прошу прощения, мне нужно в туалет.

Цзян Шэнь и Фан Сяонянь оттащили Ваньцинъ за угол. Посланники недавно получили единую форму: длинные чёрные плащи, на груди — кровавого цвета номерные знаки, под плащом — белая рубашка. Брюки заправлены в высокие сапоги, к голенищам пристёгнуты ножи, на поясе — пистолет (больше декоративный: навыки пока хромали, и каждый раз, когда Фан Сяонянь тянулся за ножом, Цинь Фэн опасался, что тот отрежет себе ногу).

— П... посланники? — Ваньцинъ выпучила глаза. — Что вам нужно?

Фан Сяонянь грозно:

— «Призрачное такси»! Что ты натворила в мире живых? Новый босс лично приказал нам тебя задержать!

Призрачная дама растерялась:

— Я ничего не делала! Ну, словесно приставала к одному красавчику... У меня регистрация! Я законно пребываю в мире живых! Только не ведите меня к Белому Учану!!!

На лице Цзян Шэня крупно было написано: «Тебе конец».

Пока они разговаривали, из дальнего конца коридора показался Цинь Фэн.

Ваньцинь просияла и уже открыла рот, чтобы закричать: «Вот он!», но в этот миг коридор потемнел. Из ниоткуда потянуло ледяным ветром.

Цзян Шэнь выхватил из-за пояса клинок — образца дворцовой стражи Цзиньивэй. В тёмном углу что-то длинное, чёрное и тонкое медленно выползло из тени. Затхлый, кровавистый ветер загулял по закрытому коридору, заставляя двери трястись и хлопать.

Фан Сяонянь:

— Чем это пахнет, грязью какой-то...

— Плохо. Солнце ещё не село, а оно уже вылезло, — лицо Ваньцинь побледнело. — Это существо стало сильнее!

Фан Сяонянь, рискуя самоампутацией, выдернул нож:

— Цзян-гэ, что... что... что это за хрень? Ктулху?

— Возможно, дух-оборотень, — Цзян Шэнь был мрачен. — Нечеловеческое существо, практиковавшее путь совершенствования, чьё тело погибло в процессе. Не в силах смириться, оно продолжает совершенствоваться уже в виде призрака — но путь этот далёк от праведного.

По полу ползли десятки тонких чёрных щупалец.

Ваньцинь побелела:

— Господа посланники, спасите того оперативника!!!

Бесчисленные чёрные лозы, обогнув насторожённых посланников, устремились прямо к Цинь Фэну. Тот, кажется, вздохнул:

— Не успеть.

И вдруг привалился к стене — и просто соскользнул по ней на пол, будто выключенная марионетка.

Ваньцинь:

— Спаси———э...

В тот же миг золотой свет пронзил тьму.

Рядом с лежащим на полу телом полицейского возникла его точная копия. Хотя нет — не совсем точная. Стоящий Цинь Фэн излучал более тяжёлую, более глубокую ауру — как чёрная горная вершина, уходящая в небо. В руке он держал мо-дао ростом почти с него самого — клинок пылал золотом. Восемь иероглифов оторвались от запястья, развернулись в цепь, и он небрежно крутанул её в воздухе — и набросил на чёрные лозы.

Мгновение спустя аккуратная вязанка «хвороста» шлёпнулась к ногам трёх призраков. Тот, кто её бросил, выглядел так, будто и правда притащил дрова для барбекю.

Три призрака с одинаково остекленевшими лицами наблюдали, как Цинь Фэн, закончив разминку, с усилием напяливает на себя обратно собственный труп.

— Чего застыли? Это не основное тело оборотня, а лишь осколок. Ни разума, ни воли — легко справиться, — сказал Цинь Фэн.

Прошло тридцать секунд.

Ваньцинь пришла в ужас:

— А-А-А!!! Почему он меня видит?! Стоп — почему он вылез из тела и стал Учаном?! Конец!!! Я же не накрашена!!!

<http://bllate.org/book/17937/1721681>